

Александр Зарубин

НЕПРАВИЛЬНАЯ СКАЗКА

История времен Тридцатилетней войны

Александр Зарубин
**Неправильная сказка. История
времен Тридцатилетней войны**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37942601

ISBN 9785449343949

Аннотация

Тридцатилетняя война праздновала свою двадцать шестую годовщину. Где-то шли бои, а наших героев загнали гарнизоном в самую глухую дыру, в которой, как казалось, ничего не происходит. Но это только казалось вначале. А потом события завернулись – древняя башня, таинственная незнакомка, запертая в ней, рыцарь в сверкающих доспехах под стенами. Как в сказке. Только какой-то неправильной.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Неправильная сказка
История времен
Тридцатилетней войны**

Александр Зарубин

© Александр Зарубин, 2018

ISBN 978-5-4493-4394-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Чернявый Лоренцо, прапорщик веселой компании влюбился. Опять. Это было невыносимо. Маленький итальянец орал серенады кошачьим голосом, что-то кому-то говорил, слишком много и слишком громко для измученных ушей капитана Якова Лесли. Его компания вместе с изрядной частью имперской армии стояла лагерем у стен небольшого городка на берегу Дуная. Шло лето тысяча шестьсот... капитан напрочь забыл какого года. Лили слишком холодные для лета дожди, перемежаемые лучами неяркого солнца. Французы наступали – принц Конде уничтожил непобедимых испанцев в битве у Рокруа, Маршал Тюренн теснил баварцев фон Мерса на Рейне. Имперский главнокомандующий генерал Галас, которого придворные считали военным гением, а солдаты своим несчастьем, пил в штабной палатке горькую, материл офицеров и орал на собраниях как он всех разобьет. Когда-нибудь. Как только рак на горе свистнет. Начальник кавалерии генерал фон Верт, которого главнокомандующий в открытую называл хамом и деревенщиной, а солдаты считали умницей и своей надеждой, глядя на этот бардак, внаглую перестал понимать немецкий, хоть и был чистой воды баварец. Роту Лесли от большого ума влили в смешанный англо-шотландско-ирландский полк, который собрали из островных наемников. Офицеры полка через слово сво-

рачивали на малопонятные заморские дела, подробностей которых капитан, покинувший Шотландию еще ребенком, не знал, и которые ему были глубоко неинтересны. В ирландских ротах склепали самогонный аппарат из ружейных стволов и пытались сделать виски. Пока получалась исключительно бормотуха, но полковник О'Рейли пока не терял надежды. Трезвым его капитан еще не видел.

Какие-то молодые идиоты пытались приставать к одной из солдатских жен – беловолосой Магде. В итоге, её муж, угрюмый мушкетер роты Лесли, получил пару зарубок на прикладе, а идиотов по-быстрому зарыли у ограды кладбища, в загоне для самоубийц. По лагерю заметались подозрительно-штатского вида люди, спрашивая, не знает ли кто, куда делся молодой подающий надежды юноша... А дальше фамилия, которая наводила ужас даже на императора. Фамилия тещи князя главнокомандующего, которая пропавшему юноше доводилась дальней родственницей. Капитан пытался спрятаться от всеобщего бардака в роте, а тут Лоренцо. Вот прямо у стен капитанской палатки громко и многословно плачется Магде на жестокосердие своей избранницы. Очередной. Магда добрая, она выслушает. Хоть бы скорее взорвал что-нибудь по своей привычке, чтобы можно было с чистой совестью запрятать горе-любовника на гауптвахту. Он бы давно взорвал, да пороха в лагере почти не было.

Французы перешли Рейн. Фрейбург еще держался. Война праздновала свою двадцать шестую годовщину. На мирной конференции, торжественно открытой в Мюнстере, дипломаты уже выяснили, кто где должен сидеть, и в каком порядке входят послы в залу заседаний, и перешли к следующему очень важному вопросу – что на германской конференции делает посол Португалии, и почему их двое.

Капитан с грустью подумал, что жалование выплачено, пусть и не все, и законного повода сбежать от этого бардака куда-нибудь подальше у него нет. В сердцах плюнул, надвинул на глаза изрядно рваную шляпу и попытался заснуть. Не вышло. Вначале в палатке послышался нарастающий шум, сквозь который пробились слова

– Капитана Лесли вызывают к генералу ... – чей-то незнакомый, очень громкий и неприятно-уверенный голос.

Ладно, к генералу так к генералу – Лесли встал, отряхнул мундир, прихватил одной рукой шпагу, другой – выдавшую виды шляпу и вышел из палатки.

На лагерной улице капитану встретилось нечто. Первыми в глаза бросились шаровары ярко-алого сукна, такие широкие, что капитан поначалу принял их за юбку и уже хотел сказать что-то веселое, но потом поднял глаза повыше и же-

вание шутить пропало сразу. Морда у генеральского порученца была усатая, бритая наголо, вся в шрамах и выглядела свирепо.

– Не думал, что генералу я известен.

– Не знаю. Но генерал Верт хочет вас видеть ... – немецкий порученца был ужасен.

«Генерал фон Верт командует кавалерией. Какое ему дело до заштатной пехотной роты?» – думал Лесли, неспешно шагая за усатым порученцем. Тот пытался торопить, но Яков шагал нарочито неспешно. Лесли не бегает. Тем более к генералам. Хотя однажды ему пришлось побегать от генерала – когда капитан еще был лейтенантом и служил шведскому королю. Потом побегал за генералом – уже на имперской службе. Впрочем, это было давно. Мелкий дождь то припускал, то прекращался. Опять подкрался не хуже кроата, бросил капли воды в лицо, пробарабанил по скатам палаток.

Вот и стоянка кавалерии. Вначале в нос ударил запах – капитан поморщился, потом в глазах зарябило от пестроты мундиров и палаток – десять тысяч венгров, хорватов, сербов, польских гусар с лихо закрученными усами в блестящих доспехах, чубатых наемников из далеких стран на восток от Польши... Вся эта масса звенела шпорами, рябила в глазах многоцветьем чудных плащей и накидок, галдела

и поминутно задирали друг друга. Капитан воевал и против них, и вместе с ними – и то, и другое было очень небольшим удовольствием. Вот наконец и штабная палатка. Вот и генерал – невысокий, широкоплечий, борода клином, волосы торчат в разные стороны. Лицо уже начало расплываться, но сердитые умные глаза смотрели ясно. Лет много назад он едва не взял Париж, а его орлы клялись поймать Ришелье арканом. Его именем французы пугали детей, и некий сказочник уже сочинил сказку про трех французских поросят с фон Вертом в роли волка.

– Капитан Лесли, – и голос у генерала был грубый, хриплый.

– Да.

– Вам знакомо место под названием «парадиз»?

«Шутить изволите», – подумал капитан.

– Слышал. В воскресной школе...

– Надеетесь попасть? Зря, не по нашей, капитан, работе. Впрочем, я не про тот, что на небе, я про тот что на речке, – дальше непроносимое название. Посреди Шварцвальда, три дня пути отсюда. Доводилось бывать?

За эту войну капитан исходил империю вдоль и поперек, но все названия давно безнадежно перепутались в его памяти. Так что, может, бывал, может и нет. Страна делилась для него на: «разграбили когда-то» и «разграбили до нас».

– Может быть. – ответил он просто.

– Вы назначены туда гарнизоном.

«Вот это новости, – подумал капитан, – какого дьявола этот командует не своей частью через голову непосредственного начальства?»

– Я не получал приказов. – сказал Лесли твердо.

– Я даю

– От своего полковника.

– Не упирайтесь, Лесли. Эта, – а дальше генерал высказался по адресу доставшей всех генеральской тещи, – добралась до главнокомандующего. Бедолага аж протрезвел с перепугу. Так что пропавшего, – Фон Верт был действительно хамом и выразался по адресу пропавшего юноши соответственно, – теперь будут искать всерьез. Берите... роту под мышку и сидите в этом парадизе тихо, пока все не уля-

жется. С вашим ирландцем я договарюсь. Тут капитан понял. Лет десять назад Магда, солдатская жена подобрала еще-не-генерала, валяющегося раненым на поле. И заштопала, хоть все думали, что не жилец. Магда штопала всю эту армию. И добрую половину шведской. И изрядную часть французской. Хорошая она, на свой, своеобразный манер. Генерал добро помнил. А вот главнокомандующий, похоже, нет. Тут ввалился очередной порученец. Судя по гладкой роже, французской изящной прическе и чистому мундиру – из совсем высоких штабов. Что-то начал говорить по латыни, протянул какую-то бумагу. Генерал ответил на венгерско-хорватско-польско-сербском смешанном, добавив в конце «а на latinskoj move ne rasmovlayu». Под его командованием ходили тысячи людей доброго десятка языков. На каждом из них фон Верт мог говорить на необходимом для генерала уровне – то есть «Вперед», «пошел», остальные – матерные. Капитан пришел на помощь бедолаге-порученцу. Он уехал на эту войну с московской службы и последнюю фразу генерала понял, да перевел как мог.

– Уставным языком в армии является немецкий, корнет.

Порученца как ветром сдуло.

– Быстро схватываешь, капитан. Будь ты конный, взял бы тебя к себе. Если в раю будут упираться, передай им

от меня привет и скажи, что в следующий раз на постой к ним приедет хорунжий Ржевский. *

– Не слышал о таком.

– Зато они слышали. Свободен.

«Ну, во всяком случае, мы уходим отсюда, – подумал капитан Лесли, выходя из палатки. – Может быть, в этом парадизе Лоренцо заткнется. В конце концов, он в лесу – речка, лес вокруг на три дня, найти достойную Лоренцо будет сложновато. И генерал прав, надо уходить отсюда пока не поздно». Внезапно тучи сдуло, ярко-красное закатное солнце озарило небо. Где-то над Дунаем раскинулась семицветьем радуга. Капитан скинул шляпу, огладил рукой бритый, вразрез с модами и уставом подбородок и подумал, что жизнь не так уж и плоха, как казалось ранее. Во всяком случае, теперь можно уйти отсюда. Что рота и сделала уже этой ночью. почти вся, за исключением итальянского прапорщика. Лоренцо продолжал правильную осаду своей пассивности и отвлекаться не хотел, сказав, что потом догонит. Ротная колонна шла маршем по лесной дороге, за их спиной взлетали в небо огни ракет, слышался ропот и матюги, местами переходящие в панику.

– Достал-таки порох, скотина, – хмыкнул ротный ма-

стер-сержант. Любовь итальянца к всяческим взрывам была известна всей армии. Вот и сейчас он с успехом совмещал две своих привычки, крася для своей пассивности ночное небо в ярко-огненный цвет и доводя верховное командование до нервного припадка.

– Вот тебе и ушли по-тихому... Будем надеяться, что его не поймают, – ответил капитан.

Правившая обозной телегой Магда обернулась, посмотрела на взлетающие в небо огни и слегка вздохнула. Очередная вспышка выхватила из тьмы ее распущенные по плечам длинные светлые волосы.

– Ускорить шаг. – хрипло прозвучала команда.

А итальянец догнал их днем, довольный и на чужой лошади. Вихрем пролетел вдоль строя, показал всем два пальца в виде латинской буквы V – Лесли подумал, что этот жест может значить, но ничего приличного не придумал – и под всеобщий смех занял свое место у знамени. Капитан пообещал сгноить его на гауптвахте

– Слушаюсь, – ответил тот с улыбкой да ушей.

Три дня марша. рота все глубже забиралась в густые леса, дорога становилась все уже – все больше мрачнел ма-

стер-сержант, все больше торопил роту капитан. Шли колонной – мушкетеры в широких шляпах с ружьями и сошками на плечах впереди и позади, полсотни пикинеров в начищенных шлемах в середине. Хмурый Ганс сказал зажигать фитили – дымки закрубились над головами. Шли быстро, ротные запевалы тянули охрипшими голосами печальные песни. Наконец за очередным поворотом в ярком свете закатного солнца люди увидели чернеющие башни, крутые скаты крыш – острый, пронзающий небо шпиль колокольни. Песня осеклась, люди встали.

– Тот самый рай похож. – сказал мастер-сержант капитану.

Рота вышла на открытое место перед изрядно обветшавшими стенами, и капитан заметил огромный крест на колокольне и россыпь крестов и статуй поменьше на стенах

– Да это монастырь, – прапорщик Лоренцо откровенно пригорюнился. Лесли злорадно хмыкнул, подумав, что пара месяцев без приключений итальянцу будет на пользу.

Их заметили, где-то ударил колокол. Капитан разглядел шевеление на стенах, велел Лоренцо поднять ротное знамя с имперским черным орлом повыше. Рота приближалась, закатное солнце било в глаза, в его свете древние стены казались совсем черными. Ворота остались закрытыми, но калитка распахнулась, и навстречу роте кто-то вышел – капитан присмотрелся, но вначале разглядел только сутаны, ка-

пюшоны на головах. Фигура поменьше держала четки, у более высокой – солнце по-прежнему било в глаза, капитану были видны только силуэты – на плече лежал устрашающего вида карабин.

– А монастырь то женский, – Магда сидела сверху, на козлах повозки, ей было видней.

– Ола-ла, – Чертов Лоренцо присвистнул, как бы распеваясь.

Капитан понял, что опять попал... И впрямь женский.

Солнце зашло за шпиль, стали видны подробности – низенькая с четками, с неприятно-высокомерным лицом – видимо, аббатиса, ее спутница была бы миловидной, если бы не сутана и не устрашающего вида ствол в руках.

«Странное сочетание», – успел подумать капитан, но его прервали.

– Кто такие, и зачем?

– Капитан Лесли, по приказу генерала фон Верта назначены к вам на постой.

– Почему я должна пускать вашу ораву? – голос у настав-

ницы был тоже неприятный. – Да еще по приказу этого богохульника.

– Потому что... – договорить было решительно невозможно.

– У нас тут обитель божья, а не проходной двор... – аббатиссу понесло, она все говорила и говорила, ее голос все повышался, она уже почти кричала, упрекая солдат во всех смертных грехах, – большая часть ее упреков были чистой правдой, так что люди Лесли начали откровенно злиться. А тут еще и Магда, как всегда вылезла вперед, посмотреть, что там – и некстати попала на глаза.

– Это что еще с вами? – перст указующий ткнул в ее сторону. Лесли вдруг заметил, что хмурый Ганс скинул с плеча мушкет.

– Еще и девку привели... – кричала аббатиса.

Ганс взвел курок, открыл полку.

– Грехи ваши ... – и тут аббатиса осеклась, трудно не осечься, когда ствол мушкета внезапно упирается в нос.

– О своих подумай, – голос Ганса прозвучал очень глухо.

На мгновение наступила тишина. Тут Лесли рывкнул на всех, приказал Гансу убрать ствол, а абатиссе – закрыть наконец рот и открыть имперской армии ворота, а то...

– А то следующим на постой приедет хорунжий Ржевский.

Аббатиса прошептала что то про себя и махнула рукой. Открывайте ворота, мол. Солдаты, глухо ворча, двинулись внутрь.

– Да это какая то тюрьма, – пробурчал ротный мастер-сержант оглядываясь. Монастырь был перестроен из древнего замка – старые, потрескавшиеся, поросшие мхом и плесенью стены стискивали внутренний двор – один из дворов, похоже, хозяйственный. Ров и стена отгораживали его от другого, внутреннего двора, с церковью, высокой колокольной со шпилем и оставшейся от совсем старых времен древней башней донжона. Солдаты сунулись было туда, но все калитки были заперты. Наверху что-то дымилось – судя по запаху фитили. Немногие насельницы, видимые на стенах со двора, были неплохо вооружены и настроены решительно.

– Здесь, нам явно не рады... – ответил капитан, задумчиво разглядывая стены и башню донжона... – Впрочем, неудивительно. Нам, сержант нигде не рады. Только на поле боя.

– Не то слово, надеюсь, кормить будут. А то наши орлы тут все разнесут.

– Суровые дамы, – Лоренцо подошел, как всегда, неслышно. Он уже попытался построить кому-то глазки, чуть не получил стволом в лоб и теперь ходил, пригорюнившись. Все трое молча смотрели на башню донжона. Вдруг Лесли увидел под самой крышей какое-то движение. Что то наверху с чуть слышным треском сломалось, хлопнула ставня, в закатном солнце сверкнули осколки стекла, – капитан машинально зажмурился.

– Смотрите, там кто-то есть ... – прошептал Лоренцо чуть слышно, – Клянусь, я видел белые волосы... Клянусь, там держат кого-то. Женщина, клянусь Богом.

– Я тоже видел. – услышал Лесли голос Ганса из-за спины.

– И, похоже, не из местных, – пробурчал мастер-сервант, – а то с чего бы ей стекло разбивать?

Капитан с тоской подумал, что попал. Конечно чернявый итальянец мог и ошибиться – женщины ему мерещились в любом окне. Но вечно хмурый Ганс, лучший стрелок роты – он никогда не говорил зря и его глаза никогда не об-

манывали. Тут была какая-то загадка. а загадка как правило обозначала неприятности. И, вдобавок, кормежку вынесли такую, что Лесли и мастер-сержант начали считать дни до солдатского бунта. Солнце, перекрасив напоследок крыши в темно-багровый, закатилось. Капралы, матерясь, разгоняли солдат по дворовым постройкам. Капитан подумал, ничего лучше, чем «поживем – увидим», не придумал и пошел спать сам.

Казалось, этой войне было мало Германии. Шведский король не поделил с датским проливы зунда, и его армия из голодной Померании хлынула на Ютландию, даром что единоверную, и опустошила ее. Датчане отступали, уповая на бога, свой флот и имперскую помощь. Строгий приказ сорвал генерала Галласа и его армию с места и погнал на север – спасать датчан, даром, что они еретики. Молодой, но жадный до славы шведский генерал Врангель пытался прорваться к Праге, был отбит, но не терял надежды. Мирная конференция в тот день не состоялась – у входа в зал послы Франции и Испании заспорили о том, кто должен войти в залу первым. Это был очень важный вопрос, затрагивавший честь и достоинство обоих государей и обсуждался он долго, с привлечением давних прецедентов, ссылок на трактаты и латинских цитат, пока внезапно хлынувший дождь с градом не разогнал дипломатов по домам.

А днем капитана обрадовали фразой: «Госпожа настоя-

тельница приглашает господ офицеров роты на обед».

Вот офицеров в роте не водилось. У Якова родственников не было, мастер-сержанту помощники не требовались, так что лейтенантом, писарем, профосом и каптенармусом числилось Хохкройтендорфское (см. пр. рассказ) пугало. Пугало честно исполняло многочисленные обязанности, а жалование его капитан с сержантом делили пополам. Один раз по пьяному делу даже написали на него представление к награде. Впрочем, бумага, как водится, затерялась где-то. Чернявый Лоренцо числился в роте прапорщиком, иногда работал за писаря, когда его удавалось поймать. Лейтенантом иногда работал Ганс, заменяя недостаток происхождения крестьянской сметкой и тяжелыми кулаками. Обязанности каптенармуса, то есть кладовщика Магда крепко держала в своих ручках, которые романтичный итальянец называл белоснежными, а мастер-сержант загребущими.

Пришлось радовать хорошей новостью Лоренцо. Тот убежал наводить глянец на шляпу и сапоги с улыбкой козла, которому выписали постоянный пропуск в аптекарский огород. Капитан Лесли вздохнул, побрился, умылся, посмотрел на свое отражение в тазе с водой отразились серые глаза, скуластое, расчерченное морщинами до срока лицо, бритый, врез с модой, подбородок. Капитан глянул еще раз и остался недоволен увиденным. Пошел накручивать роту,

чтобы безобразий без него не устраивали: если что сам поучаствует. Когда солнце зацепилось за крест на колокольне, провожатая зашла за ними. Лесли показал напоследок мастер-сержанту кулак, кликнул прифрантившегося Лоренцо, и они пошли вслед за хмурой провожатой – в калитку, темными переходами, через двор, в темный куб парадной залы. Глухо стукнула дверь. Капитан вошел, снимая шляпу – дневной свет пробивался сквозь стрельчатые резные окна в длинную узкую залу, куда их привели, играл на старинных витражах, на бокалах темного стекла, стоявших на широком, массивном – пуля не пробьет – столе резного дерева. Капитан по обычаю поклонился, Лоренцо сказал что-то многословно-приветственное.

– Добрый день господа, – а говорила не аббатиса. Та стояла у деревянного резного кресла во главе стола, руки сложены на груди. А вот сидела в кресле дама. Высокая, худая. Очень пожилая, блеск брильянтов уже не прятал морщины. Именно дама – тысяча лет благородных предков читались на лице явственно.

– Добрый день госпожа... – тут Лесли замаялся на секунду.

– Их светлость, графиня Амалия фон..., – поспешила представить хозяйку стола аббатиса. И потом назвала фамилию, от которой все приходили в ужас. Госпожа теща князя

командующего. Ее сам император боится. – Приехала в наш монастырь на богомолье.

Капитан прикинул про себя примерный маршрут отхода до шведских позиций, – слава Богу, недалеко, напомнил себе, что и сам потомок королей, и как мог четко представился.

– Капитан Лесли, мушкетерская рота на службе императора. И мой прапорщик Лоренцо

– А что с вашим лейтенантом?

– Бедолага, к сожалению, заболел... – капитан замялся, думая, чем может заболеть огородное пугало. – И его пришлось оставить в Хохкройтендорфе, на зимних квартирах.

– Жаль ... – глаза графини живо напомнили Лесли зрачки дул испанских мушкетеров под Нордлингенom. – Присаживайтесь, господа.

Никто не заставил себя просить дважды.

Аббатиса прочитала молитву. Все перекрестились.

– У вас имя есть, капитан Лесли?

– Яков. Яков Лесли.

– Александр Лесли, генерал шведской армии, вам не родственник?

– Половина Шотландии – Лесли. Другая половина – Гордоны. Говорят, еще есть Кемпбеллы, но я их пока не встречал, – о делах своей горной родины капитан имел весьма смутное представление. – И все друг другу родственники. Чтобы устроить всех, Александр Лесли должен быть как минимум генералиссимусом.

– Вы католик?

– Лютеранин, – аббатиса припечатала Лесли тяжелым взглядом, но смолчала

– Почему же вы служите императору римскому? – графиня спрашивала, как допрос вела.

– Император платит, – Лесли чувствовал глухое раздражение. Приглашали, в конце концов, на обед, а не на допрос.

– А как же вера?

– У шведов сейчас католиков не меньше, чем лютеран. У императора на службе сейчас лютеран не меньше, чем ка-

толиков... – раздражение прорвалось короткой четкой ре-
чью. – Я пять лет на этой войне и никак не могу понять, чем
мои действия здесь помогли одной вере или повредили дру-
гой.

– Хорошо ... – голос графини был обманчиво-мягок. –
Гляжу, обед принесли таки. Служки принесли и расставили
тарелки – пахло вкусно. Капитан заглянул в свою и, про себя,
выругался – его людей кормили гораздо хуже. Вопрос, поче-
му местным нужно кормить ввалившуюся без приглашения
роту, ему в голову не пришла. Капитан уже пять лет на этой
войне – привык.

– А вы, прапорщик, – Лоренцо поднял голову, сверкнул
черными глазами, – что привело Вас на имперскую службу?

– О-ла-ла, это очень интересная история, – Яков Лесли
пытался пнуть прапорщика под столом, но тщетно. За сто-
лом были еще несколько послушниц, миловидных достаточ-
но, чтобы на прапорщика низошло вдохновение, – я был сту-
дентом в славном, богатом и прославленном городе Павии,
постигал науки, наслаждался всеми благами жизни, которые
молодость дает, а пустой карман отнимает, и никак не по-
мышлял о бранных подвигах, когда в городе случилась исто-
рия, сколь забавная для слушателей, столь и печальная для
тех кто в ней участвовал.

Капитан, слышавший эту историю много раз, постарался наесться, пока не выгнали. История была очень интересная и поучительная, но – для окопов в самый раз, а для монастыря не годиться. Лоренцо меж тем, заметив огонек интереса в газах слушательниц, заливался как соловей, не видящий за пеньем кошку.

– Однажды в наш славный город приехал некий человек, по виду почтенный мастер, по сути чистый мошенник и прохиндей. Открыл лавку и начал предлагать доверчивым простакам некое устройство, которое, как он обещал, гарантирует верность жен и крепость уз супружества, как будто для сохранения этих уз требуется что-то кроме любви и доверия. Устройство это, больше пригодное для тюремной камеры, чем для супружеской спальни представляло собой...

– Оно, случайно, не в виде пояса было? – перебила его графиня.

– Да, массивный железный пояс с...

– Мы в курсе, о чем речь, так что без подробностей. – Итальянец намек понял.

– Можете себе представить ужас всех благородных дам

славного города Павии и негодование молодых кавалеров... Аббатиса хмыкнула, капитан попытался пнуть Лоренцо еще раз с тем же успехом.

...когда об устройстве разлилась молва, и на него нашлись первые покупатели – а негодяй не брезговал распространением самых печальных слухов о дамах города для продажи своего товара. Тогда несколько молодых кавалеров из университета, движимых исключительно человеколюбием и состраданием... – аббатиса все больше мрачнела, графиня улыбалась, Лоренцо заливался соловьем, – собрались ночью и выступили на защиту прекрасных дам, дав негодю отличную взбучку. Свой подвиг ... – ночной налет тридцати на одного капитан подвигом не считал, но графиня, похоже, придерживалась другого мнения, одарив итальянца очередной благосклонной улыбкой, – они совершили, так тщательно переломав ему и кости, и мастерскую, что негодяй в тот же день убрался из города.

Тут Лоренцо прервал свой монолог глотком вина.

– Достойное дело, – сказала графиня, – И что же дальше? Негодяй подал на вас в суд?

– Нет, он в тот же день убрался из города. Попытался обосноваться в Милане, но там все были в курсе его проделок, и молодые кавалеры Милана встретили его уже в воро-

тах. Пришлось ему перебраться в Неаполь, забросить свое устройство и заняться астрологией. В суд подали покупатели устройства: вместо того, чтобы защитить их семейную жизнь, оно наградило их шикарными развесистыми рогами.

– И поделом, – вставила графиня, – им следовало бы подать в суд на собственную глупость.

– К сожалению, глупость привлечь к суду нельзя, – Лоренцо то ли устал, то ли сообразил, где находится, так что последнюю часть своего рассказа выдал в приглаженном виде, – так что обвинили меня. Клянусь, сеньоры, совершенно напрасно и бездоказательно!

Окопная версия концовки о напрасности обвинения не говорила ничего, зато содержала как кучу технических подробностей о тонкостях работы отмычкой и напильником, так и всякой романтики, местами переходящей в голую физиологию – о порядке оплаты слесарных услуг.

– Но я решил не ждать решения суда, благо мимо города проходили полки нашего славного императора, схватил пику и последовал по стопам моего великого земляка, маршала Пикколомини на поле брани. Попал как раз под Нордлинген.

– Ну что же, прапорщик, – графиня еще раз улыбнулась, – вы совершили благое дело.

Аббатиса, судя по лицу, была явно другого мнения.

– Благое, – повторила графиня еще раз, специально для нее, – жаль только, что вы проучили мошенника слишком поздно. Описания устройства добрались до Голландии, теперь их газетчики пишут, будто бы у нас тут они повсеместно.

– А вы, капитан, – переход темы застал капитана врасплох, – вы же начинали свою военную карьеру на шведской службе?

– Да, – переходы с одной стороны на другую в то время были делом обычным.

– И что же заставило вас уйти?

А вот на этот вопрос капитан Яков Лесли очень не хотел отвечать. Очень не хотел, но надо сказать что-то – уж очень нехорошая тишина повисла.

– Вопросы чести ... – выговорил он наконец.

– Дуэль? – голос графини звучал для Лесли глухо...

– Да, – ответил он. Почти правду – тогда его враг успел

обернуться и выхватить шпагу... Почти – в тот хмурый день в забытой богом деревне в Померании молодой еще лейтенант Лесли просто всадил пулю в лоб своему бывшему полковнику.

– Из-за женщины?

– Да, – опять почти правда.

– Красивой?..

А вот на этот вопрос Яков Лесли ответить не мог. Тогда, под серым Померанским небом он вмешался слишком поздно, чтобы узнать. Господин полковник успел превратить свою жертву в кровавое месиво.

– Ну, если наш капитан ввязался в дуэль, – итальянец влез непрошеным, но очень кстати, – то клянусь, эта женщина была явно красивей Венеры

«Ну, спасибо, выручил» – подумал капитан про себя. Остаток обеда прошел в молчании.

– Ну что же, господа офицеры, вам пора в роту, – сказала графиня под конец, – благодарю вас, прапорщик, за интересную историю. А вам, капитан, – ее глаза опасно сузились, –

напоминаю: Император платит.

«Чаще не платит», – подумал про себя капитан, молча поклонился и ушел.

Уже в коридоре он поймал обрывок разговора, – суровая монахиня, видимо, старшая в местной охране, инструктировала подчиненных:

– Усильте посты по всей стене. Говорят, шведский полковник Мероде со своим летучим отрядом рыщет где-то неподалеку.

«Не может он нигде рыскать, – подумал капитан, – я попал ему с трех шагов в лоб. Может, родственник? Говорят, этих Мероде во Фландрии не меньше, чем Лесли в Шотландии.»

Полковник Мероде остался лежать там же, где и вера, и амбиции, и юношеские мечты капитана – в сожженной деревне под серым померанским небом.

Яков Лесли пробормотал что-то про себя и пошел домой – в роту.

Мушкетерскую жену Магду никто никуда не приглашал, но это ее никогда не останавливало. Изобразила из какой-то

тряпки накидку, потрепалась о чем-то женском с охранницами внутренних ворот, сделала жалобное лицо и таки проскользнула внутрь. Интересно ей видете-ли было, что это за хорунжий Ржевский такой.

В результате, она и её муж, мушкетер Ганс, умяли на обед котелок чего-то вкусного. Остальная рота молча завидовала им и громко возмущалась монашками.

– Еще неделя на такой кормежке, – сказал Мастер-сержант печально, – и будет бунт. Да не такой, как мы устроили в Хохкрюйтendorфе, а обычный солдатский бунт – бессмысленный и беспощадный. Со стрельбой, поджогом всего, что горит, и конфискацией чести у всего, что движется.

– Устроим такое на глазах у графини – у шведов не укроемся. В Швеции у нее родственников не меньше, чем в империи. Впрочем... – тут капитан крепко подумал. – У нас сине-желтая тряпка найдется?

– Капитан, ты того... не горячись... – тут сержант обеспокоился не на шутку... – Мы все-таки не совсем уроды, чтобы сторону посреди лета менять. Тем более, шведы сейчас вообще не платят...

– Да ты не понял. Помнишь, нам рады только на поле боя?

– Ну... да

– Зови сюда Лоренцо. Есть план.

А утром монастырь проснулся от грохота – грохота пушек. На опушке ряло сине-желтое знамя, где-то бил барабан, пороховой дым подкатывался к стенам. Лесли, сержант и вся рота собрались во дворе, смотрели, как монашки суетливо бегают. Капитан присел на какую-то тумбу, смотрел молча, слушал, как нарастала стрельба – ровные залпы от леса, беспорядочные хлопки со стен. Солдаты, смотря на метания на стенах, скалили зубы, шутили похабно. Периодически, то тут, то там сквозь смех слышались матюги и испуганные оправдания – Мастер-Сержант ходил по двору, разъясняя своим орлам вопросы дисциплины. Наконец калитка внутреннего двора запахнулась и оттуда кто-то выбежал. Быстро выбежал – капитан заметил сбитую набок косынку, руки придерживавшие полы сутаны – к ним под солдатский хохот бежала сама аббатиса...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.